

Человек в реформирующемся обществе. РОССИЯНЕ: НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА, ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА

Автор: Н. Е. ТИХОНОВА

Любые попытки разобраться с особенностями того типа социума, который существует сейчас в России, а следовательно, и с перспективами дальнейшего развития российского общества, упираются в два основных "проклятых" вопроса. Первый - в рамках какой теоретической парадигмы этот анализ будет иметь максимальную эффективность. Второй же, теснейшим образом связанный с первым, заключается в том, в чем именно состоит национальная специфика России с учетом избранной теоретической парадигмы исследования.

Оба этих вопроса уже неоднократно ставились в публикациях журнала "Общественные науки и современность", более того - становились темами широких научных дискуссий на его страницах¹. Поэтому, учитывая ограниченность размеров статьи, я не буду останавливаться на перечислении основных точек зрения, которые обычно высказываются в рамках подобных дискуссий, а сразу перейду к тому, какими мне видятся ответы на два "проклятых" вопроса.

Сразу отмечу, что к формированию нынешней позиции меня привели не абстрактные размышления, а попытка интерпретации полученных эмпирических данных. Около полутора десятков общероссийских социологических исследований, участником и руководителем которых мне пришлось быть за последние 12 лет, позволили собрать огромный эмпирический материал, который давал возможность осмыслить происходящее в России через призму различных теоретических парадигм - концепцию кризисного социума, концепцию перехода от социалистического к капиталистическому обществу, трансформационную парадигму, модернизационную парадигму и т.д.². Естественно, что предметом анализа при этом выступало не все многообразие существующих в российском об-

¹ Достаточно вспомнить, например, дискуссию 2001 г. по проблемам "Экономика-язык-культура", а также статьи И. Ионова, О. Шкаратана, Э. Паина и многие другие, опубликованные в последние годы.

² Речь идет в первую очередь о таких исследованиях, как "Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов" (1995), "Молодежь новой России: какая она? чем живет? к чему стремится?" (1997), "Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?" (1998), "Россияне о судьбах России в XX в. и своих надеждах на новое столетие" (2000), "Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян" (2001), "Мегаполисы и провинция" (2004), "Экономическая элита России в зеркале общественного мнения" (2004), "Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?" (2004) и др. Основные результаты этих исследований были опубликованы в [Россия... 2000; Изменяющаяся... 2004].

Тихонова Наталья Евгеньевна - доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института комплексных социальных исследований РАН, заведующая кафедрой Государственного университета - Высшей школы экономики.

ществе отношений, а нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства, господствующая в сознании россиян.

Более того, должна сказать, что сначала, 10 - 12 лет назад, вопрос о поиске этой модели вообще не стоял передо мной как самостоятельная задача и каждое из исследований, о которых упоминалось выше, было посвящено совершенно конкретным теоретическим или прикладным проблемам. Однако полученный эмпирический материал выглядел иногда настолько странно и противоречиво, что оставалось либо списывать эти противоречия на "идиотизм" общественного сознания (это так явственно противоречило всем полученным данным, демонстрировавшим прагматичность и рациональность россиян, хотя то была зачастую неэкономическая в своей основе рациональность, что согласиться с таким объяснением я никак не могла), либо искать ту теоретическую модель анализа, которая позволила бы внутренне непротиворечивым и доступным для последующей проверки образом свести воедино имеющиеся данные. Некоторые промежуточные результаты этих поисков были опубликованы в [Тихонова, 2001].

Я отмечала тогда, что попытки насадить семена западных моделей экономического развития (от кейнсианства до откровенного монетаризма) на российскую почву показали, что плоды, вырастающие на ней из этих семян, кардинально отличаются от ожидаемых, и высказывала гипотезу, что социокультурная специфика России не сводится к специфике сознания или ценностей россиян. Она гораздо шире и включает в себя также особый механизм социального регулирования и социального воспроизводства. На эмпирическом материале было показано также, что сами россияне очень хорошо понимают, что российская модель взаимоотношений общества, личности и государства имеет значительные отличия от западноевропейской и любые реформы по западному образцу в России невозможны. При этом получалась парадоксальная картина: россияне в большинстве своем одновременно были убеждены в необходимости реформирования страны, продвижения ее по рыночному пути, не хотели возвращения к социализму и плановой экономике и считали важными многие демократические ценности, но все это мирно сосуществовало в их головах с идеей неприемлемости западного пути развития.

Что же именно не устраивало их в этом пути? Как оказалось, это было в первую очередь иное понимание того, "что такое хорошо и что такое плохо", отличавшееся от западноевропейского прежде всего отчетливым *приоритетом интересов общества, выразителем которых выступало государство, по отношению к правам человека. Личные свободы и демократические формы организации общественной жизни хотя и были важны для значительной части россиян, в такой модели взаимоотношений государства, общества и личности все же не являлись решающими.*

Однако дальнейшая работа с эмпирическим материалом привела меня к выводу, что речь может идти не просто о национальной специфике модели взаимоотношений общества, личности и государства. Судя по полученным результатам, наиболее адекватно и внутренне непротиворечиво описывает происходящее в России модернизационная парадигма. Пресловутая же российская специфика во многом обусловливается тем, что тип общественного сознания, доминирующий в российском обществе, по сути своей является еще традиционалистским и адекватное понимание его специфики возможно только при учете, с одной стороны, концепции модернизации, а с другой - выявления российской модернизационной специфики по сравнению с другими странами, уже перешедшими к обществу модерна или еще находящимися на различных стадиях перехода к нему. Именно анализ в рамках модернизационной парадигмы, при всей ограниченности³, поз-

³ Слабые стороны концепции модернизации уже не раз, как известно, подвергались критике. Это, впрочем, не мешает странам Юго-Восточной Азии, используя многие особенности своих национальных культур, успешно идти по пути "догоняющей модернизации", приносящем весьма неплохие результаты в условиях глобализирующегося мира, в то время как в России по-прежнему продолжают упорно говорить об исторической самобытности и "особом пути", а ее отставание от наиболее развитых стран тем временем лишь увеличивается.

воляет понять не только то, какую модель общества россияне видят как оптимальную, но и то, какой отпечаток это наложило на ход российских реформ в последние два десятилетия, выступив своего рода "внешним ограничителем" по отношению к ним.

Учитывая многообразие существующих трактовок процесса модернизации, сразу оговорюсь, что я понимаю ее с учетом классической трактовки, в которой в качестве особого этапа развития общества выделяется этап, на котором традиционные общества достигают состояния модерна (*modernity*), являющегося результатом социальной, культурной, экономической и политической модернизации соответствующего сообщества. Однако я не рассматриваю при этом модернизацию как безусловное благо: как всякое социальное явление или процесс, она имеет и плюсы, и минусы. Тем более не вызывает у меня сомнений неприемлемость отождествления модернизации и "американизации", и я согласна с неомодернистским подходом к этой проблеме, допускающим множественность форм и путей модернизации.

Таким образом, проблему модернизации я трактую, скорее, в рамках социетального подхода, рассматривающего общество как органическую целостность, претерпевающую в своем развитии качественные изменения и проходящую различные этапы своего развития, а не классической концепции модернизации, неразрывно связанной с американской социологией. Этот подход имеет длительную историю в развитии социальных наук, начавшуюся задолго до середины XX в. Причем во всех концепциях классиков социологической мысли, работавших в русле этого подхода, включая и те, что возникли задолго до концепции модернизации в ее нынешнем виде, выделялись два основных этапа развития человеческих обществ.

В традиционном обществе главное - воспроизводство себя в неизменных формах, основой внутренней целостности здесь выступает нерасчленимое единство человека и окружающей среды, причем и природной, и социальной, а личность как самостоятельное "я" в массовом масштабе просто отсутствует (К. Маркс); общинные, общностные отношения органичны и основаны на эмоциональной привязанности индивидов друг к другу (Ф. Теннис); существует механическая солидарность, основанная на том, что большинство людей выполняют одинаковую работу, а коллективное сознание конкретно, религиозно и приписывает высшую ценность обществу; существует высокая степень социального контроля и детально регламентированные традиции (Э. Дюркгейм), что закрывает пространство для инициатив индивида, нарушающих традиции (К. Поппер). Добавлю, что для этого общества характерны также такие тесно связанные с перечисленными выше особенностями черты общественной жизни, как регламентация индивидов и групп в большей степени за счет норм и традиций, нежели "писаного" права и т.д.

Напротив, в **либеральном обществе** приоритет отдается не общности, а свободам и ответственности индивида, который стремится так изменить сложившиеся структуры, чтобы они открывали пространство для инноваций (принцип открытого общества). Обратной стороной этого выступает резкий рост социальной ответственности индивида за свою судьбу и свое будущее. Социальный порядок резко усложняется и начинает регулироваться в первую очередь за счет писаного права, а не традиции, включая осмысление свободы как законодательно зафиксированных гражданских прав и свобод. Макроидентичности начинают формироваться прежде всего через гражданские идентичности. Наступает эпоха экономической рациональности и происходит десакрализация многих общественных отношений (включая отношение к природе), а отношения между людьми утрачивают свой целостный характер и становятся функционально-ролевыми (подробнее см., в частности, [Лапин, 2005]).

В последние десятилетия все чаще говорят также о третьем этапе развития общества - постиндустриальном (а также об обществе риска, информационном, сетевом и т.д. обществе - в зависимости от того, на какой из особенностей этого этапа общественного развития делается акцент). Однако, поскольку фактически во всех этих концепциях речь идет о тех новых контурах общества, прорисовывающихся в последней четверти XX в., можно считать, что все это попытки подобрать наиболее эффективную аналитическую модель для качественно нового состояния социума, сам факт возникновения ко-

того не вызывает особых сомнений, хотя степень его развитости и специфика все еще являются предметом дискуссий.

В социальных науках достаточно детально проработан и вопрос о теоретических основах анализа "особости" российского пути развития. Не обращаясь к давней истории, в частности идеям Маркса об азиатском способе производства, сошлюсь лишь на таких авторитетных российских ученых, как Н. Лапин, В. Радаев и О. Шкаратан, в работах которых российская модель развития относилась к разряду "азиатско-этатистских" или "этакратических" [Радаев, Шкаратан, 1996; Лапин, 2005]. И в том и в другом случаях речь шла о российском обществе как об обществе традиционного типа, характерной особенностью которого по отношению к остальным традиционным обществам выступают прежде всего персонификация интересов общности в государстве, деятельность которого приобретает легитимно-всепроницающий характер, а также максимальное сращивание отношений "власть-собственность".

На первый взгляд, попытка рассмотрения современного российского общества с его технологическими достижениями и сравнительно высоким образовательным уровнем населения как разновидности традиционного общества представляется абсурдной. Однако, если учесть, что большинство жителей даже крупных городов в возрастных когортах 30 - 50 лет составляют мигранты первого и второго поколений, прежде всего - из деревень и малых городов, где и прошла их социализация, то такая постановка вопроса уже не кажется противоестественной. Ведь социокультурная модернизация, лежащая в основе перехода к либеральному типу общества, занимает не одно поколение и представляет собой процесс, теснейшим образом связанный с урбанизацией, а Россия еще 70 лет назад была типичной крестьянской страной. Да и культурная революция с ликвидацией массовой неграмотности прошла в ней всего около 80 лет назад.

Кроме того, многие характерные особенности жизни российского общества последних пятнадцати лет также заставляют задуматься по крайней мере о возможности постановки вопроса о том, что проблема "особости" России по сути дела сводится к тому, что она еще не прошла этапа социокультурной либерализации. Так, когда в результате разрушения в начале 1990-х гг. одних социальных институтов и неэффективной работы других на первый план спонтанно вышли механизмы саморегуляции, заложенные в "генетическом коде" общества, то среди них оказались неписанные традиции и неформальные договоренности. В эти же годы, несмотря на все призывы к демократии, решающую роль даже в политической жизни играл личный авторитет, а реальные новые массовые политические партии так и не возникли. Более того, при быстрой и сравнительно простой приватизации промышленности реформаторы столкнулись с сильнейшим сопротивлением в вопросе о купле-продаже земли, являющейся в природных условиях России, как правило, менее ценной с экономической точки зрения, нежели многие промышленные предприятия. Этот ряд странностей можно было бы продолжать и далее, но и из сказанного понятно, что вопрос об этапе, который проходит сейчас наша страна на пути к обществу модерна, заслуживает особого внимания.

Вот почему я решила все-таки эмпирически проверить, насколько далеко продвинулась Россия по пути социокультурной модернизации, и выбрала для такой проверки несколько характерных особенностей общественного сознания традиционного типа: 1) представление о приоритете интересов общности (государства, коллектива и т.д.) и вторичности прав личности; 2) отношение к традиции и писаному праву; 3) отношение к государственной ("общественной") собственности и ее роли в обществе; 4) отношение к природе как к "неорганическому телу" человека, которое не может быть объектом купли-продажи, а является естественной предпосылкой жизни общности; 5) отношение к функционально-ролевому распределению полномочий по линии руководитель-подчиненный и построению неформальных вертикалей, строящихся на авторитете; 6) отношение к условиям, делающим легитимным применение насилия; 7) представление о критериях принадлежности к "своим" и "чужим"; 8) понимание свободы, и ряд других. Сразу скажу, что по всем без исключения индикаторам, которые были проанализированы в ходе этой работы, большинство, а подчас и подавляющее большинство, россиян продемонстрировало наличие у них особенностей сознания представителей традиционных обществ.

Окончательной проверке гипотезы, которые сложились за 10 лет работы, были подвергнуты в процессе исследования "Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?", проведенного ИКСИ РАН совместно с Московским представительством Фонда им. Ф. Эберта (Германия) в 2004 г.⁴. Поскольку в ходе этого исследования гипотеза о традиционалистском по сути своей характере нормативной модели взаимоотношений общества, личности и государства полностью подтвердилась, я позволю себе, учитывая ограниченность объема статьи, лишь изредка использовать данные других исследований, хотя они имели немалое значение для формулирования основных выводов.

Разумеется, в одной статье невозможно представить все результаты этой работы, но некоторые наиболее характерные особенности общественного сознания россиян на примере первых пяти из перечисленных выше индикаторов, позволяющие понять специфику и этап идущей в России социокультурной модернизации, я все же постараюсь продемонстрировать. И начать этот анализ надо с оценки краеугольного для сознания традиционалистского типа вопроса о том, что важнее - права человека или интересы общности.

* * *

Как показывают проводившиеся в течение последних десяти лет многочисленные замеры отношения россиян к проблеме сравнительной приоритетности прав индивида и общности, а также роли государства в согласовании их интересов, большинство россиян - около половины населения страны в возрасте от 16 до 65 лет - безоговорочно уверены, что государство всегда должно отдавать приоритет интересам всего народа перед интересами отдельной личности. И лишь около 10% россиян так же безоговорочно убеждены в обратном (см. табл. 1). Это свидетельствует о том, что идея прав человека как доминанты общественного сознания имеет в российском обществе еще очень малое распространение. В таких условиях неудивительно, что 46% опрошенных в возрасте от 16 до 65 лет (и цифра эта с точностью до 1% совпадает в исследованиях различных лет) полагают, что индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят, и для России важнее чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Противоположной же точки зрения придерживаются лишь 30% опрошенных в этих возрастах, то есть в полтора раза меньше.

Таким образом, та модель взаимоотношений общества, человека и государства, которая по-прежнему доминирует пока как идеальная в национальном самосознании, предполагает, что *интересы макрообщности - общества, народа, страны превыше интересов отдельных людей*. Однако это не жестко тоталитарная или авторитарная модель, а "смягченный" ее вариант, предполагающий право людей не просто свободно высказывать свое мнение, но даже настаивать на нем с помощью забастовок и демонстраций. Единственное, что может служить основанием, да и то отнюдь не безусловным, для ограничения этого права - угроза общественному порядку. Дело оппозиции, которая желательна и в рамках данной модели, - не столько конкурировать за власть, сколько контролировать правильность поведения "власти" в отношении соблюдения ею общественных интересов, и помогать ей в этом (см. табл. 2)⁵.

⁴ Опрос проводился в июле 2004 г. ИКСИ РАН. В основу исследования 2004 г. был положен инструментальный опрос 1998 г. Общероссийская выборка численностью 2500 человек, как и в 1998 г., строилась по когортному принципу (все респонденты подразделялись на 5 групп равной численности: 16 - 25 лет; 26 - 35 лет; 36 - 45 лет; 46 - 55 лет; 56 - 65 лет). Познакомиться более детально с материалами этого исследования можно в [Граждане... 2005; Российская... 2005].

⁵ Я сознательно не буду в данной статье детально анализировать политические аспекты российской модели взаимоотношений личности, общества и государства, достаточно подробно изложенные в монографиях [Изменяющаяся... 2004; Российская... 2005], ограничившись лишь социокультурным аспектом соответствующей проблематики.

Таблица 1

Ответы на вопрос: "Каждый гражданин по-своему понимает демократические нормы жизни. Что вы думаете о перечисленных утверждениях на этот счет?" (в %)

Суждения	Полностью согласны		Частично согласны		Полностью не согласны		Затруднились ответить	
	2004 г.	1998 г.	2004 г.	1998 г.	2004 г.	1998 г.	2004 г.	1998 г.
Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	46,4	47,1	25,2	24,4	11,2	12,8	17,3	15,7
Каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения	64,7	69,8	21,5	18,1	3,0	3,2	10,7	8,9
Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	42,2	48,6	34,5	31,4	8,0	9,3	15,2	10,7
Гражданин не должен иметь права на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку	22,4	24,9	34,2	34,9	27,4	26,0	16,0	14,2

Таблица 2

Ответы на вопрос: "Каждый гражданин по-своему понимает демократические нормы жизни. Что вы думаете о перечисленных утверждениях на этот счет?" (в %)

Суждения	Полностью согласны		Частично согласны		Полностью не согласны		Затруднились ответить	
	2004 г.	1998 г.	2004 г.	1998 г.	2004 г.	1998 г.	2004 г.	1998 г.
Задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказать помощь в его работе	44,7	48,7	30,3	30,2	10,5	7,8	14,4	13,3
Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции	45,4	49,5	24,9	22,8	5,7	4,5	23,9	23,2

Особая роль в этой модели принадлежит государству, что неудивительно, учитывая этатистский характер российского общества. Государство в ней - инструмент реализации интересов общности в целом, гарант обеспечения возможности ее существования и развития. Дав возможность каждому заявить о своих правах и, по возможности, учтя интересы индивидов и отдельных групп населения, в своей практической деятельности оно должно руководствоваться прежде всего интересами общности как единого целого, как, впрочем, и любой человек или население целых регионов и крупные социальные группы. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а *государство как выразитель общих интересов должно, принимая во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности.* Именно в силу права и долга государства представлять интересы этой общности, граждане, партии и т.п. должны проявлять к нему максимальную лояльность и призна-

Таблица 3

Ответ на вопрос: "Согласны ли вы со следующими утверждениями?" (в %)

Суждения	Да	Нет	Затруднились ответить
Если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить	58,5	41,0	0,5
Предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует национализировать	81,3	18,1	0,6

вать его право вмешиваться в их жизнь, если это нужно в интересах общества, даже если это означает нарушение их гражданских прав или связано с нарушением законности (см. табл. 3).

Это, конечно, *принципиально иная модель* взаимоотношений личности и государства, нежели существующая в Западной Европе, где государство заботится не об абстрактном "благе народа", а выступает гарантом интересов и прав человека в его взаимоотношениях с обществом. Причем модель эта очень устойчива и доминирует в общественном сознании россиян, судя по данным исследований, практически с одинаковыми показателями, по крайней мере, на протяжении всего последнего десятилетия.

Надо отметить также, что эта модель опиралась и продолжает опираться на особую роль макроидентичностей в российской модели самоидентификации⁶. Причем официальная иерархия идентичностей и в Российской империи, и в СССР строилась одинаково "держава-коллектив (производственная или сельская община) - семья-человек". В реальной модели идентичностей роль микроидентичностей, прежде всего семьи, была, естественно, гораздо выше. Тем не менее россияне действительно ощущали свою принадлежность к большой, державно-народной общности как важнейшую составную часть своих самоидентификаций, а потому очень болезненно восприняли крушение Советского Союза. И до сих пор свыше 70% тех, кому в момент распада СССР было 27 и более лет, продолжают говорить, что в Советском Союзе они испытывали чувство принадлежности к большому сообществу (при 10 - 15% тех, кто этого чувства не испытывал). И даже в возрастной когорте 26 - 35 лет, то есть среди тех, кому в конце 1991 г. было не более 22 лет, этот показатель составляет свыше половины.

Данные опросов показывают также, что самоидентификация с современной Россией распространена намного меньше. Устойчивая внутренняя идентификация себя как россиянина характерна менее чем для трети опрошенных, хотя, судя по данным исследования "Мегаполисы и провинция"⁷, гражданином России при выборе трех основных характеристик для самопредставления вне границ России все же назвали бы себя около половины опрошенных горожан - 45% в мегаполисах и 51% в других типах городов. В результате в последние 15 лет образовался своего рода вакуум макроидентичностей, который начал компенсироваться ростом как микро-, так и макроидентичностей абстрактного

⁶ Напомню в этой связи, что основной механизм социальной самоидентификации - соотнесение человеком своих интересов, ценностей и моделей поведения с интересами различных общностей, которые могут быть либо "своими", либо "чужими", либо проблематичными по своему характеру. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отмечу, что в этом направлении уже давно и плодотворно работает коллектив под руководством В. Ядова. Интересный материал по этой проблеме получен и в рамках исследования динамики ценностей россиян, с конца 1980-х гг. отслеживаемой коллективом под руководством Н. Лапина. О результатах исследований ИКСИ РАН в этой области более подробно см. в (Изменяющаяся... 2004; Российская... 2005].

⁷ Используемые ниже данные по тому, чем гордятся россияне и на какие жертвы они готовы пойти, приводятся именно по результатам исследования "Мегаполисы и провинция", проводившегося в январе 2004 г. по общероссийской выборке численностью 1752 человека, репрезентировавшей население соответствующих типов поселений для России в целом по полу и возрасту.

Таблица 4 Ответы на вопрос: "Гордитесь ли вы..." (в %)

Суждения	Да	Нет	Затруднились ответить
В мегаполисах			
1. Историей России и ее традициями	73,3	7,6	19,1
2. Своей национальностью	71,0	10,8	18,2
3. Своей "малой родиной" (краем, городом, селом)	61,8	15,0	23,3
4. Своей профессией	47,5	23,7	28,8
5. Своей семьей	74,0	7,4	18,7
6. Своими родителями	78,1	5,8	16,1
7. Своими детьми	62,4	7,4	30,2
8. Своими достижениями	29,7	34,8	35,5
В других городах			
1. Историей России и ее традициями	72,8	9,0	18,2
2. Своей национальностью	81,9	7,7	10,4
3. Своей "малой родиной" (краем, городом, селом)	68,7	14,3	17,1
4. Своей профессией	52,7	24,4	22,9
5. Своей семьей	82,3	6,0	11,7
6. Своими родителями	86,4	4,0	9,6
7. Своими детьми	70,6	5,9	23,5
8. Своими достижениями	33,9	35,2	30,9

характера, прежде всего с людьми, разделяющими те же взгляды на жизнь, характеризовавшим в 2004 г. устойчивые самоидентификации почти 55% респондентов. Естественным следствием этой модели идентичностей выступает и отношение к вопросу о том, чем гордятся россияне, - ведь гордиться можно в первую очередь тем, что имеет к тебе какое-то отношение именно через механизм самоидентификации, а также того, ради чего они готовы были бы пожертвовать своей жизнью, что отражает сравнительную значимость различных идентичностей в данный момент.

Если говорить о предмете гордости, то историей России и ее традициями гордятся свыше 70% россиян, в то время как собственными достижениями - менее трети. Вообще гордость за собственные достижения находится у россиян на столь низком уровне, что говорить о скором развитии индивидуалистического типа мышления в стране явно не приходится (см. табл. 4).

Доминирующая в общественном сознании модель взаимоотношений общества, личности и государства в ее современном российском варианте, однако, не предполагает безусловной и безоговорочной жертвенности со стороны рядовых членов общества. Не случайно, хотя ради своей семьи готовы пойти на жертвы и защищать ее с оружием в руках свыше трех четвертей россиян, ради России и будущего ее народа респонденты были готовы на это в два раза реже (как, впрочем, и ради самих себя). Более того, как показывают данные исследования "Граждане новой России...", в случае угрозы для целостности России поведение россиян будет прямо зависеть от того, кто угрожает ее целостности, - внешний враг или же эта угроза является следствием каких-то внутренних процессов развития страны. Если речь идет о нападении внешнего врага, то рисковать собственной жизнью ради страны готова половина россиян в возрасте от 16 до 65 лет. Если же речь идет о внутренней угрозе распада России, то соответствующий показатель сокращается в 2,5 раза и составляет уже всего 21% (при этом и в первом, и во втором случае он мало различается в разных возрастных когортах).

Таким образом, российская модель взаимоотношений общества, личности и государства, так же как и 200, 100 или 50 лет назад, характеризуется в настоящее время

приоритетом и значимостью интересов общности, но значимость эта имеет уже далеко не безусловный, само собой разумеющийся характер. Фактически данная модель *уже вступила в период разложения и носит сейчас условно-консенсусный характер*, предполагающий, что человек обязан выполнять свои обязательства по отношению к общности только при определенных условиях, о которых будет сказано ниже.

Есть у этой модели и другая характерная особенность - представления о роли и функциях государства по отношению как к обществу в целом, так и к отдельному человеку. Главные функции государства в рамках этой модели - не только *адекватно выражать текущие и стратегические интересы макрообщности*, но и *заботиться о текущих нуждах членов общности*⁸. Логическим следствием этого выступает и ответственность сильного (богатого, успешного и т.д.) члена общности за остальных, менее успешных ее членов просто потому, что они члены одного сообщества. Если же они почему-то не хотят отвечать за своих менее успешных "собратьев" (что для этой модели гораздо точнее, чем "сограждане"), то государство должно заставить их это делать. В случае, если оно этого не делает, то оказывается виновным в гораздо большей степени, чем сами "богатые", которые добровольно "делиться" с "миром" не хотят. К слову сказать, проводившиеся ИКСИ РАН в 2004 г. исследования представлений россиян о социальной ответственности бизнеса и об их отношении к экономическим элитам полностью подтвердили именно такую мотивацию позиции россиян, а не доминирование стремления "раскулачить" "новых русских".

Готовность государства к заботе о нуждах своих граждан и ее действенная реализация - *основа всей этой системы отношений, легитимности власти государства и встречной готовности граждан выполнять требования власти, их "послушания"*. Соответственно, *социальная функция государства всегда должна будет доминировать над экономической* в рамках этой модели отношений, в целом укладывающейся в систему патерналистских отношений представителей власти и "подданных" как одной из наиболее характерных особенностей обществ традиционного типа.

В этой связи особенную важность имеет тот факт, что, как показывают данные исследований, традиции патернализма по-прежнему доминируют в сознании россиян. Не случайно около 60% опрошенных в ходе исследования "Граждане новой России..." летом 2004 г. сказали, что без материальной поддержки со стороны государства им выжить сложно. Убеждены, что они сами смогут обеспечить себя и свою семью, в полтора раза меньше - всего около 40% опрошенных. Это, разумеется, не значит, что россияне собираются сидеть и ждать, пока государство "одумается" и им поможет. Конечно, каждый человек старается, не дожидаясь помощи государства, максимально использовать все имеющиеся в его распоряжении ресурсы адаптации, важнейший из которых - основная и дополнительная занятость. Однако объективное состояние рынка труда в России, особенно с учетом неравномерности его регионального развития, таково, что многие относительно менее конкурентоспособные слои объективно не имеют возможности решить свои проблемы самостоятельно [Козырева, 2004; Тихонова, 2003], что закрепляет существующую патерналистскую модель как нормативную в общественном сознании.

В результате, как показывают данные проведенного исследования, продолжающееся доминирование патерналистской ориентации в сознании россиян обеспечивается двумя основными факторами. Во-первых, сохранением значительной доли населения, чьи доходы прямо зависят от государства (госслужащие, бюджетники, пенсионеры - в общей сложности это около 60% всего взрослого населения страны), объективно вынужденных рассчитывать в первую очередь на государство и связывать с ним свои ожидания⁹.

⁸ Подробнее о том, в чем видят россияне основные социальные функции государства и как должны выстраиваться в их представлении приоритеты государственной политики в целом см. [Тихонова, 2001].

⁹ Впрочем, даже среди этой категории почти треть при решении своих проблем рассчитывает на свои силы, а не на государство. Это лишний раз доказывает, что дело не только в том, из какого источника люди получают свои доходы, хотя это и очень важный фактор.

Рис. Виды нарушения гражданских прав россиян со стороны государственных органов за 2004 г., оценка респондентов.

Во-вторых, сохранением весьма значительной по своей численности доли "социально слабых" групп, фактически неконкурентоспособных на современном рынке труда, которые для поддержания сколь-нибудь приемлемого уровня жизни могут рассчитывать только на помощь государства. Таким образом, *патернализм общественного сознания россиян имеет двоякую природу*. С одной стороны, это *неуверенность в своих силах или плохое материальное положение с соответствующим ожиданием помощи извне*, а с другой - *те гораздо более глубокие корни связи его с традиционалистской в своей основе нормативной моделью взаимоотношений общности, личности и государства*, о которых уже было сказано выше.

Однако, и это надо подчеркнуть особо, при очень высокой значимости и роли в их представлениях государства вообще, россияне не фетишизируют нынешнее российское государство, а напротив, относятся к нему весьма критически. Оно, с их точки зрения, не выполняет тех своих функций, которые обязано было бы выполнять в рамках существующей в их сознании нормативной модели, - ни с точки зрения заботы о стратегических интересах общности, ни с позиций заботы о текущих интересах граждан, ни даже с точки зрения соблюдения их законных прав. Причем вопрос этот имеет три основные стороны - постановка "не тех" целей (как, например, пренебрежение интересами развития наукоемких технологий, с которыми сами россияне склонны связывать будущее России), неэффективность механизма реализации поставленных целей (как, например, в борьбе с террористической угрозой) и нарушение государственными органами законов, защищающих права граждан (см. рис.)¹⁰. Данные исследований убеждают в том, что население в настоящее время более чем критично относится к действиям властей практически во всех сферах деятельности государства и - после кратковременного периода надежд на изменение ситуации, связанных с первым периодом президентства В. Путина, - вновь в массе своей считает, что Россия идет "не тем" путем.

Учитывая, что легитимно для россиян только такое государство, которое соблюдает не интересы государственного аппарата, а интересы общности в целом, особое значение приобретает вопрос о готовности российских граждан к "законопослушанию" в услови-

¹⁰ Данные по нарушению прав и способам защиты своих интересов приводятся по результатам общероссийского исследования "Отношение к собственности в российском обществе: массовое сознание и массовые практики", проведенного в феврале 2005 г. с выборкой 1751 человек, репрезентирующих население страны по полу, возрасту, региону проживания и типу поселения. При ответе на поставленный вопрос о видах нарушения их прав респонденты могли выбрать несколько ответов.

ях не легитимности для них деятельности нынешнего российского государства. В этой связи надо сразу сказать, что, как и во всяком традиционном (по крайней мере с точки зрения доминирующей нормативной модели отношений) обществе, роль "писаного" закона для россиян весьма незначительна и "революционная целесообразность" имеет для них гораздо большее значение, о чем свидетельствуют, в частности, и приводившиеся выше данные о праве государства ограничивать свободу прессы, национализировать предприятия и т.п., если они наносят ущерб интересам государства. Более того, для них характерен в целом неправовой и неэкономический характер сознания, особая роль авторитетов в механизме саморегуляции общности и т.п.

Не случайно половина опрошенных россиян считают, что для страны важны не столько хорошие законы, сколько хорошие руководители, и лишь 39% полагают, что хорошие законы важнее хороших руководителей. Да и в вопросе об их личном отношении к закону и готовности соблюдать его требования лишь 20% россиян придерживаются точки зрения, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона. Еще 26% убеждены, что вообще не важно, соответствует ли что-либо закону или нет - главное, чтобы это было справедливо. Основная же масса россиян придерживается точки зрения, что законы надо соблюдать, но только если это делают и сами представители органов власти.

При этом и мнение россиян о законопослушности самих властей и их готовности соблюдать законы, защищающие права рядовых граждан, и их мнение о справедливости российской правоохранительной системы весьма скептическое (так, коррупцию и взятки как наиболее характерную особенность именно нынешней эпохи по сравнению со всей предшествующей многовековой историей России выделили 56% россиян). Не случайно, хотя интересы и права граждан постоянно ущемляются государством (см. рис.), большинство россиян не обращаются в этих случаях ни в суд, ни в милицию.

Так, в суд в течение 2004 г. обратились для защиты своих прав лишь 5,5% опрошенных, хотя, как видно из приведенных выше данных (куда не включены споры между частными лицами, иски частных лиц к организациям и т.д.), востребованность эффективной работы судов и правоохранительной системы в целом очень высока. Достаточно сказать, что из всех признаков демократии пальма первенства на протяжении последних лет, причем со всевозрастающей значимостью, устойчиво принадлежит равенству граждан перед законом и независимости судов.

Все это позволяет предположить, что этап развития, который сейчас переживает общественное сознание в России, связан не столько с кризисом ценностей, о котором много говорят, но которого пока не удастся зафиксировать эмпирически¹¹, сколько с *кризисом нормативной модели взаимоотношений общества, личности и государства*, в немалой степени являющемся результатом ситуации, когда россияне видят полное несовпадение реальности с ожидаемой моделью. В условиях же, когда данная модель уже приобрела в результате объективных процессов (урбанизации, роста образования и т.д.) условно-консенсусный характер, это несовпадение неизбежно приводит не только к недовольству россиян действиями власти, но и к кризису самой модели и, следовательно, к началу формирования новых представлений о желаемом и легитимном характере взаимоотношений человека, общества и власти.

Характер этих представлений пока трудно предсказать однозначно. Безусловно, часть населения выберет и уже выбирает модернизированную модель взаимоотношений индивида, общества и государства, где место традиционной общности занимает гражданское общество. Однако это не единственно возможный сценарий, возможен вариант развития, когда из неустойчивого равновесия, в котором находится ныне общественное сознание России, следующий шаг будет сделан не вперед, а назад, не к признанию приоритета прав человека после признания легитимности их выражения, а к ренес-

¹¹ И исследования ИКСИ РАН, и наиболее фундаментальные в этой области исследования Н. Лапина свидетельствуют, что кризиса собственно ценностных систем в последние 15 лет не наблюдается. Речь может идти, скорее, об их достаточно медленной и плавной эволюции в сторону либерализации.

сансу фундаментализма и установлению диктатуры под лозунгами узнаваемых старых идеалов. Во всяком случае, среди самих россиян доля тех, кто считает установление диктатуры возможным, в полтора раза больше числа не видящих оснований для такого сценария развития событий.

Таким образом, Россия переживает сейчас этап развития, когда *основная масса населения еще не оторвалась в плане нормативных воззрений от "пуповины" традиционного общества, хотя процесс разложения этих представлений уже начался и развивается достаточно активно*. По-прежнему господствуют в общественном сознании идеи приоритета интересов общности над правами человека и потребность в макроидентичностях, не вызывает особых сомнений право государства действовать вне правового поля ради целесообразности, поскольку именно государство является для россиян легитимным выразителем интересов общности, со значительным перевесом сохраняется превалирование патерналистских ожиданий по отношению к государству над чувством личной ответственности людей за свою судьбу, продолжается упование на появление "доброе барина", который решит все проблемы, а не на принятие таких законов и установление таких "правил игры", в рамках которых люди могли бы решать свои проблемы самостоятельно.

Фактором, ускоряющим модернизацию взглядов россиян (воистину - нет худа без добра), выступает в этих условиях деятельность российского государства, явно расходящаяся с нормативными представлениями россиян о его функциях. Видя уже на протяжении по меньшей мере 12 - 15 лет такой дисбаланс реальности и ожиданий, россияне начинают мало-помалу задумываться над легитимностью масштабов власти государства и механизмах, способных хотя бы в какой-то степени гарантировать их права и интересы от произвола власти. Естественно, что основным таким механизмом выступает право, но эту свою роль, по мнению россиян, оно пока явно не способно выполнить.

Итак, анализ существующей в сознании россиян нормативной модели взаимоотношений общества, личности и государства позволяет констатировать *начало размывания традиционалистской модели общественного сознания под влиянием расхождения нормативных моделей и реального жизненного опыта людей*. Однако оценить степень продвижения России по пути модернизации и перспективы этого процесса невозможно без хотя бы беглого анализа по крайней мере еще двух блоков проблем: 1) особенностей социально-экономических взглядов россиян, прежде всего - их отношения к тому, могут ли объекты природы быть в частной собственности или окружающая природная среда - неотъемлемая часть жизни всего сообщества, которая должна принадлежать ему как целому (или государству как его выразителю) и отношения россиян к частной собственности вообще; 2) степени распространенности и групп локализованности сознания модернистского и традиционалистского типов. Этим проблемам и будет посвящена следующая статья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Граждане новой России. Кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить. М., 2005.

Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004.

Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX-XXI веков. М., 2004.

Латин Н. Н. Антропосоциетальный подход: методологические основания и социологические измерения // Вопросы философии. 2005. N 1.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М., 1996.

Российская идентичность в условиях трансформации. М., 2005.

Россия на рубеже веков. М., 2000.

Тихонова Н. Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность. 2001. N 3.

Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.